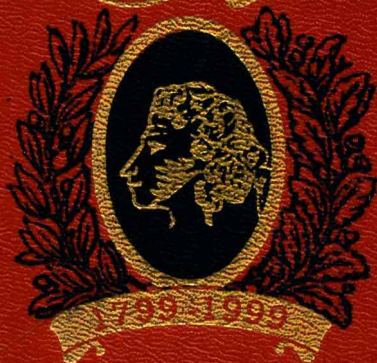

ВАДИМ СОКОЛОВ

Вадим С. *И*льминин

к 200 летию поэта

Редактор М. Полятыкин

Корректоры: И. Баринская, С. Калужская, Г. Морозова, В. Шабаршина
Верстка Т. Кутиной

Набор, верстка, вывод на пленку — издательство «Тверская, 13»

Лицензия на издательскую деятельность

ЛР № 040747 от 12 марта 1996 г.

Налоговая льгота — общероссийский классификатор продукции
ОК-005-93, часть 1; 953000 — книги, брошюры

Сдано в набор 12.03.98. Подписано в печать 30.06.98.

Формат 60х90/16.

Гарнитура «Таймс». Печать офсетная.

Усл. печ. л. 38.

Тираж 10 000 экз. Зак. № 3180.

Редакция еженедельника «Тверская, 13»

121872, Москва, Новый Арбат, 21

Отпечатано с готовых диапозитивов редакции «Тверская, 13»
на Тверском ордена Трудового Красного Знамени
полиграфкомбинате детской литературы им. 50-летия СССР
Государственного комитета Российской Федерации по печати.
170040, Тверь, проспект 50-летия Октября, 46.

ISBN 5-89328-006-7

9 785893 280067 >

*По вопросам приобретения книги просьба обращаться
в издательство «Тверская, 13».
Тел.: 291-85-99, 201-45-87.*

Вадим СОКОЛОВ

РЯДОМ С ПУШКИНЫМ

Портреты кистью и пером

Часть вторая

ИЗДАТЕЛЬСТВО
ТВЕРСКАЯ, 13

Москва
1998

УДК 882

ББК 84 (2 Рос — Рус) 6— 4

С 59

Фотографии, использованные в книге, предоставлены автором.

Соколов Вадим Дмитриевич

С 59 РЯДОМ С ПУШКИНЫМ. Портреты кистью и пером. Часть вторая. — М., «Тверская, 13», 1998. — 592 с., 184 ил.

УДК 882

ББК 84 (2 Рос — Рус) 6— 4

С 59

© Соколов В. Д., 1998

© Издательство «Тверская, 13», 1998

ISBN 5-89328-007-5 (Часть вторая)

ISBN 5-89328-006-7

Исполнились мои желания. Творец
Тебя мне ниспослал, тебя, моя Мадона,
Чистейшей прелести чистейший образец.
(Жене)

В последний раз, в сени уединенья,
Моим стихам внимают наш пенат.
Лицейской жизни милый брат,
Делю с тобой последние мгновенья.
(Кюхельбекеру)

Мой первый друг, мой друг бесценный!
И я судьбу благословил,
Когда мой двор уединенный,
Печальным снегом занесенный,
Твой колокольчик огласил.
(Ивану Пущину)

Судьба свои дары явить желала в нем,
В счастливом баловне соединив ошибкой
Богатство, знатный род — с возвышенным умом
И простодушие с язвительной улыбкой.
(К портрету Вяземского)

Спеша на новоселье,
Оставлю темну келью,
Поля, сады свои;
Под стол клобук с веригой —
И прилечу расстригой
В объятия твои.
(Сестре)

Я не совсем еще рассудок потерял
От рифм бахических, шатаюсь на Пегасе,
Я не забыл себя, хоть рад, хотя не рад.
Нет, нет — вы мне совсем не брат,
Вы дядя мне и на Парнасе.
(Дяде, назвавшему сочинителя братом)

Во глубине сибирских руд
Храните гордое терпенье,
Не пропадет ваш скорбный труд
И дум высокое стремленье.
(К декабристам)

На холмах Грузии лежит ночная мгла;
Шумит Арагва предо мною.
Мне грустно и легко, печаль моя светла,
Печаль моя полна тобою...
(К Марии Раевской)

Здравствуй, Вульф, приятель мой!
Приезжай сюда зимой,
Да Языкова поэта
Затащи ко мне с собой...
(Алексею Вульфу)

*Не то беда, что ты поляк:
Костюшко лях, Мицкевич лях!
Пожалуй, будь себе татарин. —
И тут не вижу я стыда;
Будь жид — и это не беда;
Беда, что ты Видок Фиглярин.
(К Булгарину)*

*Полу-милорд, полу-купец,
Полу-мудрец, полу-невежда,
Полу-подлец, но есть надежда,
Что будет полным наконец.
(Эпиграмма на Михаила Воронцова)*

Очарованный свидетель

(Мокрицкий А. Н.)

Шапочное знакомство с Аполлоном Николаевичем Мокрицким у нас уже состоялось. Рассказывая о Венецианове, я упомянул картину «Субботнее собрание у В. А. Жуковского», написанную учениками Алексея Гавриловича, среди которых был и Мокрицкий. Правда, мы не знаем, кого из изображенных он на ней рисовал. Но сам по себе сей факт любопытен.

Будущий живописец учился в Нежинской гимназии вместе с Николаем Гоголем, Александром Данилевским, Евгением Гребенкой, Константином Базили, каждый из которых мог впоследствии похвастать своим знакомством с Пушкиным. Мокрицкий встречался с поэтом прежде всего у Карла Брюллова. Об одной такой встрече Аполлон Николаевич и поведал в своих воспоминаниях, выдав их фрагмент за дневниковую запись. Но этот маленький обман автору «Воспоминаний о А. С. Пушкине» можно простить, поскольку рассказанное им подтверждается другим свидетелем. Итак, читаем:

«Сегодня в нашей мастерской было много посетителей — это у нас не редкость, но, между прочим, были Пушкин и Жуковский. Сошлись они вместе, и Карл Павлович угощал их своей портфелью и альбомами. Весело было смотреть, как они любовались и восхищались его дивными акварельными рисунками, но когда он показал им недавно оконченный рисунок: «Съезд на бал к австрийскому посланнику в Смирне», то восторг выразился криком и смехом. <...> Пушкин не мог расстаться с этим рисунком, хохотал до слез и просил Брюллова подарить ему это сокровище, но рисунок принадлежал уже княгине Салтыковой, и Карл Павлович, уверяя его, что не может отдать, обещал нарисовать ему другой. Пушкин был безутешен: он с рисунком в руках стал перед Брюлловым на колени и начал умолять его: «Отдай, голубчик! ведь другого ты не нарисуешь для меня, отдай мне этот». Не отдал Брюллов рисунок...»

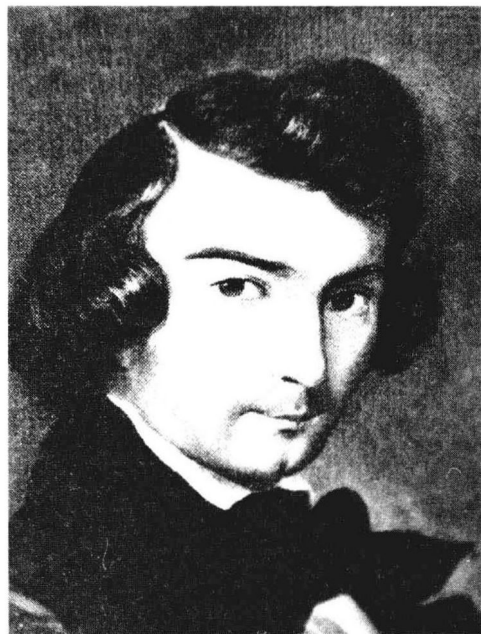
Завсегдатаем квартиры Брюллова Аполлон Мокрицкий стал не случайно. Набив руку в художественной школе Венецианова, он, в числе других учеников Алексея Гавриловича, «перебежал» в академический класс Карла Великого, ставшего в России чрезвычайно популярным пос-

ле триумфа его «Последнего дня Помпеи». Боготворивший автора этой и многих других великолепных работ, очарованный талантом его, Мокрицкий пустился во все тяжкие, чтобы упрочить славу Брюллова как первейшего русского художника. Ради этого он готов был бросить тень даже на имя своего прежнего наставника, хотя признавал (не мог не признать) бескорыстное подвижничество Венецианова, который разыскивал и пестовал в своей школе юные таланты из народа.

Не сотвори себе кумира. Слепо поклоняясь Брюллову, Аполлон Николаевич закономерно вступил на путь подражательства. Это становится очевидным, когда познакомишься с его картиной «Девушка на карнавале», хранящейся в Таганрогской картинной галерее, портретами жены худож-

ника, его сыновей, с другими работами. Они так напоминают итальянские картины Карла Павловича! Но не только напоминают. Внешней красоты модели, перенесенной на холст, ее романтичности еще недостаточно для того, чтобы подняться до уровня брюлловских портретных работ, главным достоинством которых является проникновение во внутренний мир человека.

Однако эпигонство не мешало Мокрицкому уверенно шагать по ступеням академической иерархии. Уже в 1849 году, после продолжительного пребывания в Италии, тридцатидевятилетний художник получил звание академика за «Портрет новгородского митрополита Никанора». Почти

два десятилетия, до самой смерти, он преподавал в Московском училище живописи, ваяния и зодчества (о профессорстве он мечтал еще в молодые годы).

Для нас Аполлон Мокрицкий интересен главным образом как автор воспоминаний и дневника, в которых содержатся важные свидетельства пристального внимания Александра Сергеевича к русской живописи и изобразительному искусству вообще. В этом вы можете убедиться сами, прочитав здесь отрывки из дневника художника.

6 августа 1835 г.: «Четвертого, то есть в воскресенье, был я у Плетнева. <...> После обеда пришел Пушкин, говорил со мной о живописи и при прощании сказал мне: «Не женитесь только, а Италии вам не миновать».

15 января 1836 г.: «...К Плетневу. Там застал я Пушкина. <...> Пуш-

кин сперва не узнал меня, потом, взглядевшись пристальнее, пожал мне приветливо руку и тем порадовал меня...»

1 ноября 1836 г.: «...зашел к Брюллову. <...> У него застал я Жуковского, Пушкина, барона Брамбеуса».

31 января 1837 г.: «...Говорили о Пушкине. Он (Брюллов. — В. С.) читал его стихотворения, восхищался каждой строкой и каждой мыслью знаменитого поэта. <...> Пушкину чрезвычайно понравилась его идея и план картины Гензерика».

Если не принимать во внимание даты, которые за давностью лет в памяти Мокрицкого могли сместиться в ту или иную сторону, мы можем пользоваться его воспоминаниями как вполне достоверными. С дневниковой записью перекликается рассказанный Аполлоном Николаевичем эпизод, также датированный 31 января тридцать седьмого года, об очередном посещении художником своего учителя. В нем немало существенного, относящегося как к Брюллову, так и к Пушкину.

«Он упрекал себя в том, что не отдал ему рисунка, о котором тот так просил его, вспоминал о том, как Пушкин восхищался его картиной «Распятие» и эскизом «Гензерик грабит Рим»...»

Итак, Пушкин с Мокрицким был неизменно приветлив, относился к нему заинтересованно. А сам Аполлон Николаевич к поэту? Предлагаю в качестве ответа на сей вопрос дневниковую запись художника от 3 марта 1837-го:

«После обеда пришел я к Брюллову. «Весьма кстати», — сказал он, садясь за стол и подавая мне письмо, писанное Жуковским к отцу Пушкина, в котором изложены подробно предсмертные часы, сама смерть и последствия. Желание и интерес узнать правдивые подробности кончины великого человека были столь велики, что я не жалел, потеряв класс (отказавшись от занятий с учениками. — В. С.), 6-й и 7-й час просидел у Брюллова, потом пошел на чай к Григоровичу, где застал Теребенева. С ним эскиз статуи Пушкина. К сожалению, не найдено еще ни ансамбля фигуры Пушкина, ни удовлетворительного сходства в лице. Впрочем, талант художника порукою в том, что мы будем иметь довольно схожий портрет бесценного нашего Пушкина...»

В последний раз Мокрицкий видел «великого человека», «бесценного нашего Пушкина» в доме на набережной Мойки. Было это 29 января. Поэт лежал на столе с иконкой на груди. По бокам горели две большие свечи. Таким и запечатлел его карандаш Аполлона Николаевича.

«Лицейский Молоствов»

(Молоствов П. Х.)

Я сам в себе уверен,
Я умник из глупцов,
Я маленький Каверин,
Лицейский Молоствов.

Гусары... Отчаянные рубаки и кутилы, неистощимые на выдумки проказники и блюстители законов чести, неотразимые сердцееды-волокиты и записные гитаристы — сколько девичьих сердец они разбили, сколько поколений безусых юнцов стремилось им подражать! И не молодые ли офицеры лейб-гвардии Гусарского полка, расквартированного в Царском Селе, вскружили головы лицейским? Почти половина однокашников Александра Пушкина решила связать свою судьбу с военной службой. Семеро из них по собственному желанию выпущены в гвардию, шестеро — в армию, один — во флот. Из пушкинского стихотворения «Прощание», написанного при окончании лица:

*Иной, под кивер спрятав ум,
Уже в воинственном наряде
Гусарской саблею махнул —
В крещенской утренней прохладе
Красиво мерзнет на параде
И греться ходит в караул...*

Между прочим, и лицейский Француз, как сообщал Пущин в «Записках о Пушкине», готов был присоединиться к товарищам, «но родные его были против, опасаясь за его здоровье». О намерении стать «другом Марса» поэт писал в послании «К Галичу» еще в 1815 году:

*Татарский сброшу свой халат,
Простите, девственные музы,
Прости, предел молодых отрад! -
Надену узкие рейтузы,
Завью в колечки гордый ус,
Заблещет пара эполетов,*

*И я — питомец важных муз —
В кругу пирующих корнетов!*

В гусарские казармы Александра Пушкина привлекали не только дружеские пирушки. Многим гусарам не занимать было образованности, начитанности, ума, и разговоры с ними курчавого лицеиста носили весьма серьезный характер. В послании «К Сабурову», относящемся к 1824 году, читаем:

*Сабуров, ты оклеветал
Мои гусарские затеи,
Как я с Кавериним гулял,
Бранил Россию с Молоствовым,
С моим Чадаевым читал...*

Из четырех гусар, названных здесь, один, Каверин, известен вам по прочитанному в этой книге очерку «...Ум высокий можно скрыть», с Чадаевым все мы познакомились на школьной скамье, встреча с Сабу-

ровым предстоит в будущем, а вот о Молостове пора поговорить сейчас, тем более что в процитированных мной стихотворениях он фигурирует дважды.

Странная, на первый взгляд, фамилия гусарского корнета (а при выходе в отставку — полковника) Молостова свидетельствует о том, что его предки — выходцы из новгородской земли или сопредельных губерний (так было и на самом деле: Молостовы владели поместьями в Казанской губернии), ибо «молость», как сказано в Толковом словаре Владимира Даля, на местном диалекте обозначало «непогодь», «ненастье», «слякоть», «мокрая погода». Непривычно для нашего уха звучат также имя и отчество

пушкинского знакомого — Памфамир Христофорович. Они — греческого происхождения, попали на русскую землю вместе с христианством и в прошлом веке улыбки не вызывали.

Не будем комментировать весь стихотворный отрывок, приведенный здесь последним, обратим внимание лишь на четвертую строку, имеющую отношение к Молостову, с которым молодой Пушкин «бранил

Россию». Нет, Памфамир Христофорович не был членом тайных обществ, как его однополчане Василий Бобринский, Василий Давыдов, Петр Каверин, Григорий Колокольников, Александр Сабуров и Петр Чаадаев. Однако, пройдя с русской армией в 1812 — 1814 годах по дорогам отечества, а потом и Европы, он имел возможность оценить по достоинству прелести русского самодержавия, крепостного права, военных поселений, которые с таким рвением насаждал Аракчеев.

Поэтому нетрудно догадаться, что подразумевал Пушкин под словами «бранил Россию». И как знать, не эти ли откровенные разговоры прибавили поэту ненависти, злости, презрения, когда он писал свою «Вольность». О близости взглядов лейб-гвардии гусара и Пушкина мы можем судить еще и по тому, что в шутовом четверостишии, вышедшем из-под пера поэта в 1817-м, назвал Памфамира Христофоровича лицейским Молостковым и поставил знак равенства между знакомцем и собой.

В мемуарной литературе и в письмах современников поэта Молоствов в лучшем случае только упоминается. Правда, мне однажды удалось заполучить комплект журнала «Русский архив» за 1898 год, в одном из номеров которого нашлась небольшая по объему работа «Четверостишие А. С. Пушкина к портрету П. Х. Молостова». Автором ее значится Н. Г. Молоствов, видимо, родственник Памфамира Христофоровича. В заметке рассказывается о том, что наш гусар, выйдя в отставку, жил в Петербурге, на Сергиевской улице, в собственном доме. Следовательно, он был состоятельным человеком: дом в столице стоил дорого. О чем же еще поведal автор? Дадим ему слово.

«...Старые товарищи принимались (в том доме. — В. С.) на совершенно свободную, холостую ногу. Знакомство с поэтом, благодаря уму и образованию Молостова, скоро перешло в столь близкие отношения, что Пушкин стал часто бывать у него в доме, а впоследствии был с ним в переписке. В этот период <...> и было написано сохранившееся четверостишие... «Не большой он русский барин <...> Портрет П. Х. Молостова принадлежит ныне его племяннику В. Т. Молосткову, живущему в Петербурге. Стихи Пушкина написаны на обороте этого портрета карандашом. Письма же Пушкина, хранившиеся у В. Т. Молостова в его селе Никольском, сгорели в пожар 1840 года».

Никакими иными «свидетельскими показаниями» все эти факты не подтверждаются. И поскольку за принадлежность упомянутого стихотворения Пушкину нельзя ручаться полностью, возникают сомнения и относительно других сведений, приведенных автором работы.

Но и поставить на них крест мы тоже не можем: Александр Сергеевич никогда не забывал своего царскосельского собеседника, в том числе и после кончины последнего. На черновике неоконченной повести «Гости съезжались на дачу...», как это убедительно доказала исследовательница Л. Ф. Керцели, поэт оставил в августе-сентябре 1828 года портрет Памфамира Христофоровича. Рисовал он через месяц-другой после «переселения» Молостова в мир иной. А умер он еще более молодым, чем Александр Сергеевич, — тридцати пяти лет от роду.

«Русский Вашингтон»

(Мордвинов Н. С.)

«С того знаменитого для человечества и правосудия времени, когда европейские народы отменили пытки, истребили они и орудия, коими мучения производимы были. Одна Россия сохранила у себя кнут, орудие, в употреблении бывшее при пытках, коего одно наименование поражает ужасом народ российский и дает повод иностранцам заключать, что Россия находится еще в диком состоянии, без просвещения и нравственных понятий о человеке, существе в высшей степени чувствительном. <...> Все просвещенные народы оставили мучительные зрелища. Наступило и для нас время отменить оные...»

(Н. С. Мордвинов. «О кнуте, орудии наказания»)

В середине семидесятых годов славного восемнадцатого века на английской эскадре, курсировавшей у берегов Северной Америки, появился двадцатилетний русский дворянин Николай Мордвинов. Российское Адмиралтейство послало его учиться морскому делу, но он не только перенял у офицеров-англичан профессиональные навыки и знания, но и напитался либеральными идеями. Позднее его назовут «русским Вашингтоном» — за государственный ум, независимость мнений, прямоту и честность.

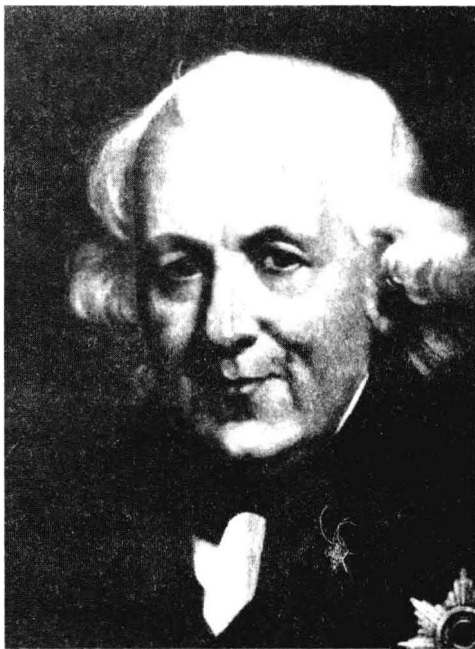
В наше время, когда узкая специализация считается ключом к успеху в любом деле, вызывает удивление и зависть эдакая профессиональная «всеядность» многих пушкинских современников. Вот, скажем, тот же Николай Семенович Мордвинов. Был неплохим флотоводцем, дослужился до адмирала, стал морским министром. И одновременно проявил себя как финансист и экономист. Семнадцать лет президентствовал в Вольном экономическом обществе. Являлся членом Государственного совета.

Будучи крупным помещиком, Николай Семенович отрицательно относился к идее немедленного освобождения крестьянства от крепостной зависимости, ратовал за постепенность этого процесса. Считал, что крепостные сами должны себя выкупить у помещиков, причем за солидную сумму. Землей наделять их не хотел. С самодержавной монархией расставаться не собирался. Тогда почему же декабристы пророчили и про-

чили Мордвинова, вкуче со Сперанским, Ермоловым, Раевским-старшим и другими лицами, в состав Временного правительства, которому предстояло прийти на смену Романовым в случае успеха восстания? Вот вопрос.

Частично, впрочем, мы на него уже ответили. Заговорщиков привлекали, конечно, личные качества адмирала. В зачет ему вошли и идеи экономического преобразования России. Он выступал за развитие промышленности, за внедрение в народное хозяйство научных и технических достижений, за помощь предпринимателям льготными кредитами, введение протекционистских таможенных тарифов, создание частных банков в губерниях. Читая эту длинную фразу, вы не поймали себя на том, что и сами того же желаете сегодня?

Не сбросить со счетов и его либерализм и человеколюбие. Ведь это именно он в 1824 году поставил в Государственном совете вопрос об отмене наказания кнутом, поддержанный большинством его членов, но положенный под сукно Александром I и оставленный там на долгие годы Николаем I.

На следствии по делу декабристов имя Николая Семеновича как кандидата в члены Временного правительства называлось неоднократно, но доказать его связь с заговорщиками следователи не могли. Скорее всего руководители Северного общества до поры до времени скрывали свой выбор и от него самого. И Николай Павлович с ноткой некоторого сожаления писал в Варшаву брату Константину 23 декабря 1825-го:

«Наше следствие идет прекрасно, так же как и аресты всех имеющихся под рукой этого ужасного, необычайного заговора; выписка о том, что происходит по этой части, вам посылается с этим курьером. Вы увидите в ней хорошо знакомые имена, и у меня весьма основательные подозрения, чтобы быть уверенными, что все это восходит до Государственного совета, именно до *Мордвинова*; но я держусь правила налагать руку только на тех, которые изоблечены или на которых падает слишком большое подозрение, чтобы им оставаться на свободе, поэтому я ничего не ускоряю».

Не добыв улик, император включил Мордвинова в состав Верховного уголовного суда. Но в этой ипостаси Николай Семенович рвения не

проявил, наоборот, повел себя весьма рискованно. Понимая, что ничего хорошего от нового царя декабристам ждать не приходится, Мордвинов подал Николаю I «Мнение об указе 1754 года», в котором доказывал бессмысленность и жестокость смертной казни. А когда дело дошло до вынесения приговора, он оказался единственным, кто не подписал его и в особом мнении обосновал необходимость смягчения наказания всем осужденным.

Александр Пушкин по достоинству оценил этот акт гражданской мужественности. Известно его послание Мордвинову, написанное в 1826 году. Поэт, конечно, не мог быть до конца откровенным и назвать вещи своими именами, но самое главное сделал — выразил свою признательность. Надеюсь, что вы прочитаете все стихотворение «Мордвинову» («Под хладом старости угрюмо угасал»), приведу лишь отрывки из него.

*Сияя доблестью, и славой, и наукой,
В советах недвижим у места своего,
Стоишь ты, новый Долгорукой!*

.....
*Один, на рамена поднявши мощный труд,
Ты зорко бодрствуешь над царскою казною,
Вдовицы бедный лепт и дань сибирских руд
Равно священны пред тобою.*

Мордвинову посвящали стихи и другие поэты — Кондратий Рылеев, Евгений Баратынский, Петр Плетнев. Но для нас сегодня важнее всего несколько слов о Николае Семеновиче, словно между прочим оброненных Пушкиным в письме Вяземскому от апреля 1824 года. Поэт, еще не знавший, что его письма вскрываются, сказал так: «Мордвинов заключает в себе одном всю русскую оппозицию...»

На взгляд Николая Павловича, подобная характеристика не украшала подданных российской короны. Но заслуги Мордвинова перед отечеством были столь велики, что по случаю его 80-летия царь возвел оппозиционера в графский титул.

Читатель, чую, ждет рассказа о встречах Пушкина с «русским Вашингтоном». К сожалению, на этот счет у нас не очень много данных. Да и те противоречивы. Дочь Мордвинова — Надежда — в своих воспоминаниях утверждала, что ее отец «с удовольствием читал некоторые его (Пушкина. — В. С.) сочинения», но старика Александр Сергеевич не посещал.

А вот бабушка Лермонтова — Елизавета Алексеевна Арсеньева (урожденная Столыпина) в письме одной из знакомых 8 марта 1835 года сообщала о посещении Мордвинова поэтом. Она могла это знать по праву сродственницы: ее родной брат — Аркадий Столыпин был женат на дочери Николая Семеновича — Вере. Да и писалось письмо по горячим следам. Так что поверим бабушке.

«Заставил меня забыть»

(Мочалов П. С.)

Они входили в самостоятельную жизнь почти одновременно — Александр Пушкин и Павел Мочалов. Пятнадцатого июня 1817 года выпускник Царскосельского лицея принес служебную присягу в Министерстве иностранных дел, а четвертого сентября того же года сын актера, не учившийся ни в каких лицеях, впервые вышел на сцену. Для своего бенефиса его отец — Степан Мочалов, известный московский трагик, выбрал пьесу Озерова «Эдип в Афинах», взяв себе роль царя Эдипа, а дебютанту отдав роль Полиника, сына царя. Бенефициант с ролью явно не справился, но публика этого даже не заметила: она была поражена игрой Мочалова-младшего. Его сразу назвали великим трагиком. А ему не было еще и семнадцати.

Алмазу, чтобы стать бриллиантом, нужна огранка, дарованию для превращения в великого мастера — постоянный труд. Павел Мочалов еще в детстве, которое прошло за кулисами да в отцовской гримерной, понял, что актер на всю сценическую жизнь обречен неустанной учебе, постоянному совершенствованию таланта. Он учился у отца, у Шаховского, у Щепкина. Ведь это мысли Михаила Семеновича пробиваются в мочаловских записках, предназначенных для театральной молодежи:

«Актер, приступающий к исполнению роли или лица, им изображаемого, прежде должен постичь и понять характер лица, которого он изображает, и от личности своей отрешиться, тогда впечатление от игры его полно будет».

Ему столько раз приходилось перевоплощаться в таких непохожих героев: Фингала в одноименной пьесе Озерова, Танкреда в вольтеровской трагедии того же названия, Кассио, Ромео, Отелло в шекспировских трагедиях. Вершиной его мастерства был Гамлет, роль которого он сыграл в бенефис, посвященный двадцатилетию своей сценической деятельности. Белинский, побывавший на девяти представлениях трагедии, назвал Мочалова «великим и гениальным». В своей статье Виссарион Григорьевич вновь переживал чувства, владевшие им в театре:

«Все это дышало такою скрытою, невидимою, но чувствуемою, как давление кошмара, силою, что кровь леденела в жилах у зрителей, и все эти люди разных званий, характеров, склонностей, образования, вкусов, лет и полов, слились в одну огромную массу, одушевленную одной мыслию, одним чувством, и с вытянувшимся лицом, заколдованным взором, притая дыхание, смотревшую на этого небольшого, черноволосого человека с бледным как смерть лицом, небрежно полуразвалившегося на скамейке».

Прошел год — и новый триумф, на этот раз в заглавной роли в шекспировском «Отелло». И опять хочется воспользоваться мнением Белинского, писавшего так:

«Не говорим уже об игре и голосе, одного лица достаточно, чтобы заставить вздрагивать во сне и младенца и старца. Это мы говорим о зрителях — что же он, этот актер, который своею игрою леденил и мучил столько душ, слившихся в одну потрясенную и взволнованную душу? <...> О, он должен был умереть на другой же день после представления!»

Триумф за триумфом. В Москве шутили, что идти в театр смотреть драму — значит идти смотреть Мочалова. Чего-чего, а уж недостатка в поклонниках он не испытывал. Но ответить утвердительно на вопрос: «Счастлив ли ты?» — Павел Степанович не мог.

Личная жизнь у него не удалась, не склеилась. Полюбил девушку, она ответила взаимностью, но родители, прознав об этой любви, поспешили выдать дочь замуж за другого: зять — «комедиант» да

еще из бывших крепостных не устраивал семейство возлюбленной. Скорее от отчаяния он женился на купеческой дочери. Однако в первые же дни семейной жизни убедился, что жена — человек чужой и чуждый, малокультурный, к театру равнодушный. Страсть прошла. Он полюбил актрису, с которой выступал на одних подмостках. Но она была замужем.

Если к этим переживаниям присовокупить закулисную возню вокруг Мочалова, его борьбу за собственный репертуар, против навязываемых ему ролей, то становится ясным, почему великий трагик пил горькую, пускался в загулы, устраивал пьяные дебоши, «выпадал в осадок». Не в оправдание сказано — в объяснение...